

II.

РѢЧЬ

предъ опущеніемъ въ могилу тѣла протоіерея

Василія Розаліева.

Дорогой отецъ мой!

На долю мою выпало сказать тебѣ послѣднее „прости“ — и притомъ, гдѣ-же? — въ стѣнахъ той самой честной обители, гдѣ, назадъ тому 23 года, я впервые встрѣтился съ тобою, былъ обласканъ отечески, какъ присный тебѣ, и получилъ твое благословеніе на начало не легкаго ученія въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Живо представляется мнѣ это отрадное — прошлое, — до конца дней своихъ сохраню воспоминаніе о настоящемъ — печальномъ...

Дорогой отецъ! Въ надгробныхъ словахъ тебѣ воздали нынѣ хвалу, какъ пастырю-священнослужителю, администратору и пастырю-учителю, не покидавшему проповѣдническаго пера *даже въ послѣдніе дни твоей жизни*, когда неумолимая смерть опускала уже свою леденящую руку на твои золотыя уста... Въ дополненіе этого объ одномъ еще скажу.

Какъ бывшему питомцу мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, позволь мнѣ принести тебѣ самую глубокую благодарность за ту любовь и добро, какія ты оказалъ учащемуся духовному юношеству. Кому изъ насъ неизвѣстно, что твою скромную келлію посѣтили сотни духовныхъ отцовъ, прошившихъ у тебя для дѣтей своихъ — школьниковъ отеческаго благословенія, благотворнаго руководительства и, въ потребныхъ случаяхъ, предъ властію заступничества, когда дѣти — ученики, оторванные отъ родной семьи, дѣлались иногда жертвами дурныхъ увлеченій?... Кому изъ насъ неизвѣстно и то, какъ много перебивало въ той же келліи твоей духовныхъ питомцевъ, въ кругу которыхъ ты забывалъ *свое одиночество* и являлся поистинѣ *отцомъ, о чадѣхъ веселящимся*?... Кому изъ насъ неизвѣстна твоя чистая духовная радость, когда ты усматривалъ въ комъ-либо изъ насъ прогрессивное развитіе ума и доброе направленіе воли; и, напротивъ, сколько ты скорбѣлъ и сѣтовалъ, когда извѣстные твои питомцы не прилагали труда къ успѣшному ученію и доброму поведенію! За симъ, сколько разъ являлся ты заступникомъ провинившихся учениковъ, если имъ угрожало изгнаніе изъ учебнаго заведенія, — *и силою обличительнаго слова и любви къ нимъ ты достигалъ замѣчательныхъ результатовъ*!...

Въ этомъ отношеніи ты былъ самымъ лучшимъ сотрудникомъ воспитателей учащагося духовнаго юношества. И за все это какъ любили тебя воспитанники духовныхъ школъ и какъ боялись своимъ нерадѣніемъ *прогнѣвить тебя*!...

Ты слишкомъ былъ дорогъ намъ!... Заслуги твои предъ

духовнымъ юношествомъ долго-долго будутъ жить въ благодарной памяти нашей!... Замѣнить-ли кто тебя!...

Принадлежа, въ свое время, къ числу твоихъ питомцевъ, я испыталъ на себѣ самое благотворное вліяніе твоей чистой согрѣвавшей любви; а потому въ настоящемъ случаѣ я несу самую тяжелую утрату дорогого лица, съ которымъ связанъ былъ самыми крѣпкими узами духовнаго союза въ продолженіе 23 лѣтъ школьной и внѣ-школьной моей жизни.

Съ поклономъ до сырой земли, благодарю тебя сердечно за все добро, какое ты оказывалъ мнѣ и всѣмъ твоимъ питомцамъ, полагая на послѣднихъ почти всѣ сбереженія свои.

До гроба сохраню самое теплое воспоминаніе о тебѣ за тѣ мудрые уроки, какими ты, не смотря иногда на усталость отъ трудовъ, дарилъ насъ въ твоей незабвенной келли, просиживая съ нами до полуночи, съ благожелательствомъ отца и любовью сердца нѣжной матери.

Живо представляется мнѣ твой образъ, когда ты, бесѣдуя съ нами, горѣлъ ревностью Иліи и Павла и сердечно желалъ возжечь священный огонекъ въ сердцахъ твоихъ юныхъ слушателей.

Какой чудной симпатіей отличался тогда образъ твой! Ты овладѣвалъ тогда нашими сердцами!

Минуты эти остались незабвенными!

Дорогой отецъ и другъ мой! Св. Елисей, ученикъ пророка Иліи, разставаясь навсегда съ своимъ учителемъ, взывалъ къ нему: „отецъ мой, отецъ мой! Духъ Божій, который былъ на тебѣ, пусть будетъ на мнѣ вдвойнѣ“, для славы Божіей въ пророческомъ служеніи избранному народу.

Прости мнѣ мое дерзновеніе, если я, въ виду тебя, во гробѣ лежащаго и въ вѣчный покой отъ насъ отходящаго, воскликну подобно пророку Елисею: *отецъ мой, отецъ мой, красото пастырей Кавказскихъ!* — Объ одномъ тебя прошу: аще обрящещи благодать у Господа, помолися Ему, *да духъ (пастырской ревности), иже бѣ въ тебѣ, сугубѣ будетъ во мнѣ* (4 Ц. Ц, 9) и во всѣхъ твоихъ питомцахъ!

Священникъ Петръ Александровскій.